

— Ты её отравил! — услышала я негодующий вскрик Лены.

— Да! — донеслось в ответ, — отравил! Не стоило ей глотать семя! — прогремел голос Степана. — Не хочешь, чтобы она умерла? Тогда сделай что-нибудь Суккуб, — холодно продолжил он.

Сильный и звонкий удар по спине и я, выхаркав, все мешающее дышать на пол судорожно открыла рот стараясь втянуть свежий воздух. И о чудо, мне это удалось. Вдохнув чистого холодного воздуха, я замерла. Голова кружилась ноги стали ватными, а сама я будто понеслась по волнам, покачиваясь на гребнях и падая в пучину.

Меня во что-то завернули, потом подняли большие, твердые, но нечеловеческие руки, куда-то понесли и положили. И тут же перед глазами появился стакан с опаловой жидкостью. — Выпей! — приказал голос Лены.

Я выпила горькую жидкость. И когда она холодным водопадом ухнула в желудок огонь внутри меня начал стихать. Зрение стало до боли резким, и я обнаружила, что лежу в огромном круге на низеньком возвышении. Спальня пропала. Вместо неё вокруг меня располагался куполообразный зал освещенный множеством свечей. Они горели ровным тянущимся вверх светом. Вот только огонь в них был разноцветный.

Под сводом купола зазвучал сладострастный голос. Он усиливался, постепенно перейдя от речитатива к пению. Звуки пения, поднимаясь ввысь, звучали все угрожающе, а потом смолкли на самой высокой ноте. И в этот момент меня словно вырвали из тела. Я оказалась вверху прямо над своим лежащим телом, словно пришипленная к потолку.

Теперь я видела всё! Огромная многолучевая пентаграмма, в которую вписан круг. Лучи разной длины заканчивались именно тем множеством свечей освещавших зал. Возвышение, на котором лежало укутанное в бордовый плащ тело, моё тело! Было черным и располагалось в центре светящейся пятиконечной звезды вписанной в круг.

— Пентакль! — неожиданно возникло у меня в голове неведь откуда взявшееся название. Концы лучей были увенчаны толстыми угольно-черными свечами. Их черное пламя горело сильно, только не освещая, а словно поглощая свет из воздуха. И в каждом луче светились темно-красные, словно живые странные символы.

Неожиданно будто из воздуха в голове и ногах около моего тела появились две обнаженные фигуры: Лена и Степан. Они синхронно наклонились, выпутывая меня из плаща, и в этот момент я вернулась обратно в своё тело.

Руки Леночки стянули с меня лифчик, болтающийся почти на поясе, а руки Степана сорвали промокшие трусики. И только я начала приходить в себя, как он приник к моему влагилицу губами. Взвизгнув от неожиданности, я тем не мене широко развела ноги, в стороны давая возможность ему делать своё приятное действие.

И снова словно пять минут назад я забилась в припадке, на этот раз развратной страсти. Я ощущала себя шлюхой, и мне это нравилось.

— Ещё! — непроизвольно вырвалось у меня, и попыталась потянуться руками, чтобы прижать голову Степана к своему лону.

Руки не слушались меня. Я вообще не была в состоянии двинуться с места. Я только могла, смотреть, слушать и отвечать на вопросы и кричать от страсти. Черной страсти. Раздался

голос Степана.

— Ты меня хочешь?

— Да! — возликовала я.

— А её? — он указал на Лену, стоявшую в изголовье.

— Да! — снова ответила я утвердительно.

— И ты отпустишь нас потом, после совокупления? — набирая силу, гремел его голос.

—... — замерла я, зная, что мой ответ решит всё.

Жизнь словно промелькнула у меня перед глазами. Я закатила вверх глаза стремясь увидеть подругу. Она улыбалась. Только в этой улыбке сквозил страх и отчаяние.

— Да... — очень тихо прошептала я, понимая, что это прощание.

— Ты дала слово! — прогремел Степан и сделав шаг стал на колени.

А потом его огромный орган, словно нож, пронзил моё лоно. Неожиданно огромный и словно увеличившийся в размере и диаметре член задвигался у меня внутри. Он просто распирал, растягивал вагину, превращая её в сосредоточие мыслей и желаний. Я хотела этого, мне ещё ни когда не было так хорошо. Энергичные быстрые движения вперед-назад почти сразу же вогнали меня в ступор. По его действиям я поняла, что он лучший. Его огромный орган, словно живой извивался у меня внутри. Он, то вытягивался внутри, словно большой и ласковый язычок, то становился толстым как бочонок, распирая моё многострадальное лоно, неся бездну наслаждения подстегивая похоть, захлестнувшую меня с головой. Его руки ни на секунду не оставались на месте они ласково терзали мне груди, чтобы через секунду причинить захватывающую меня сладкую боль. Я вся отдалась этому совокуплению ослепленная и оглушенная накатывающимся на меня сладострастием.

Неожиданно до меня донеслось пение. словно живет своей жизнью. Он вытягивался, крутился, временами, раздуваясь, так что казалось, застревал внутри вагины. Я впала в неистовство, а в голове зазвучал тот же голос, и я повторяла слова, бьющиеся в мозг:

— Ты самая лучшая любовница. Твоё семя не может причинить мне вред! Оно соединит нас навечно...

Лицо Леночки, как и тело Степана, стало меняться. Она превращался, во что-то подобное Гаю. На голове вытянулись назад тоненькие острые рожки, а тело стало черно-красным. Огромные прямо величественные груди мягко колыхались на её теле. Лицо, не смотря на проглядывающий образ зверя, было милым и озорным

— Ты, суккуб и имя тебе Инфанта! — зазвенело в голове, и я повторила дальше, — Сейчас и во веки веков!

Тело Инфанты напряглось, она задрожала и в меня опять полилась сперма.

— Нет не сперма, — поправила я сама себя, — семя! — как и в первый раз заполняя полностью и без остатка всё внутри.

Тело суккуба дрогнуло и словно расплылось в колышущем нагретом воздухе. Ко мне вернулась способность двигаться, и я посмотрела на Гая, стоящего рядом с той, кто недавно был Леной, нет Еленой прекрасной и хмуро взирающего на окончание нашего коитуса. Его силуэт задрожал, расплываясь в воздухе, и у меня неожиданно в голове просящее прозвучал голос, скорее два голоса. Они был тихим, словно доносились издалека:

— А теперь отпусти нас...

Слова словно сами рождались на языке и срывались с губ:

— Я, та кто связан с вами — отпускаю вас Инфанта и Гай. Но вы должны! — нет, просто

обязаны явиться в этот мир по моему первому требованию. Мы связаны! Вы сами заполнили моё чрево семенем... Идите и не забывайте своей клятвы! — только фанфар не хватает подумала я.

И тут в голове прозвучал голос Инфанта.

— А теперь спи. У тебя будет все хорошо. Мы придем, как только понадобится... — словно далекое эхо голос стих, а моя бедная голова закружилась, словно в танце и я уснула с довольной улыбкой.

Эпилог.

Проснулась я рано утром в своей кровати во все том же скворечнике, называемом номером в доме отдыха. Мне было хорошо, как будто все мои проблемы отступили сметные прочь ураганом.

Я встала, потянулась и вдруг вспомнила странный сон: суккуб и инкуб; Инфанта и Гай — дали мне клятву верности и обещали вернуться по первому требованию. Снятые перед сном вещи почему-то валялись на полу, но память не смогла подсказать, когда я легла спать.

— Будет что рассказать соседям на завтраке! — улыбнулась я и стала приводить себя в порядок.

Несколько напрягло то, что у меня болел живот, а при попытке подмыться из меня вылилось не мене литра опалово-мерцавшей белесой жидкости. Мазнув по ней пальцем и поднеся к носу, я вздохнула. Этот вздох словно вскрыл глубины памяти и я содрогнулась.

— Так что? Это правда?

Нетерпение, заполнявшее меня, рвалось наружу. Быстро одевшись, я выскочила в коридор и помчалась к лестнице. Поднявшись на третий этаж, с облегчением увидела массивную металлическую дверь и домофон закрепленный на стене. Я стала звонить по всем номерам, указанным на табличке, прикрепленной к стене, но бестолку... Ни кто не открывал и ответный гудок не слышался ни с одного номера.

Терзаемая нетерпением и устав стоять я бросилась, вниз ища горничную...

***

На завтраке в столовой никто так и не смог вспомнить подсаженную ко мне вчера за стол пару. А в администрации дома отдыха толстая расплывшаяся от жира тетенька пояснила: третий этаж не годится для проживания, так как там ведется затяжной ремонт уже около года.

***

Я вернулась в номер и легла в койку. В уме вертелась только одна мысль:

— Мы придем, как только понадобится... — я вздохнула и вслух произнесла имя, — Гай! Тут же в воздухе промелькнул вихрь. На меня пахнуло горячим воздухом, и около кровати появился вчерашний сатир из сна.

— Нет! — поправилась я, не Гай, Степан.

Воздух сгустился и около меня оказался стоящий Степан. Он был одет, как и вчера с иголки, а его лицо выражало недовольство.

— Ну что ещё? — негодуя произнес он. — Что ты хочешь хозяйка?

Я с испугом посмотрела ему в лицо и с трудом выдавила из себя:

— Так, это правда?

— Даже так? — поднял он в вопросе бровь. — Может, тебе лучше обратиться к Инфанте, закабалившей нас в рабство?

— Лена, Леночка! — позвала я в испуге.

— Да, моя госпожа! — послышалось в комнате, и в тот же миг Лена появилась рядом со Степаном. — Что случилось?

— Как, всегда одно и то же! — недовольно произнес Степан, обращаясь к Лене, — она ничего не понимает!

— Мы, госпожа демоны. — Ответила почему-то мне Лена, — И теперь наша клятва обязывает служить тебе. У тебя появились проблемы?

— Нет! — я с трудом улыбнулась. — Значит все, что я помню — это не сон?

— Да, госпожа Евгения, это не сон. Всё было... и мы твои слуги. Если хочешь, то мы заебём или затрахаем кого угодно. Даже до смерти... Смерть во время оргазма — прекрасное завершение жизни. — Она вздохнула, — но я мечтаю о том берегу, где судьба дала возможность мне познать тебя... — и её взгляд пронзил меня до печенки.

— Исчезните! — заорала я, ощущая, как заглодело сердце и мне стало невмоготу.

Они пропали. Вот они были, а потом исчезли. Горячий воздух плотной волной пробежал по комнате. Неожиданно я улыбнулась. Ответы получены, а уж как я поступлю при таких помощниках... Сердце, словно получившее ускорение застучало громче, и я с удовольствием взглядела в такое прекрасное будущее.